

— Всё в порядке?

— Совсем не в порядке, в груди словно огромный камень лежит.

Лян Хаожань вовсе не преувеличивал — это была чистая правда.

Он нажимал на грудь кулаком, пытаясь унять тяжесть, и направлялся к школьному медпункту.

В обед в столовой с большим трудом удалось урвать свиные ребрышки в кисло-сладком соусе, и сначала он ел с огромным удовольствием, но теперь в желудке всё переворачивалось от боли, подступала тошнота.

Наверное, объелся, и в желудке началась тяжесть. Он как раз собирался зайти в медпункт за какими-нибудь таблетками для улучшения пищеварения.

Пэн Юй постучал в дверь за Лян Хаожанем, который продолжал колотить себя в грудь.

Тук-тук. Не дожидаясь ответа изнутри, Пэн Юй просто толкнул дверь.

— Здравствуйте, учитель! — во всю мочь завопил он, причем с совершенно излишней громкостью.

Однако в медпункте было пусто.

Похоже, они не угадали со временем, и школьного врача как раз не оказалось на месте.

— Эй? Учителя Яна, кажется, нет?

— Точно. Может, заглянем попозже? — предложил стоявший рядом Пан Бо.

Лян Хаожань покачал головой:

— Я лучше подожду здесь, бегать туда-сюда слишком хлопотно. Можете пока возвращаться в класс.

При мысли о том, что придется тащиться на третий этаж в класс, а потом снова спускаться обратно, Лян Хаожань решительно настроился караулить на месте.

— Тогда посидим с тобой, все равно в классе делать нечего.

— Именно.

Пэн Юй и Пан Бо тоже решили остаться.

Трое парней уселись в ряд на длинной скамейке в углу медпункта.

В отличие от Лян Хаожаня, который из-за тяжести в груди время от времени постукивал себя кулаком, рты Пэн Юя и Пан Бо ни на минуту не закрывались — они трещали без умолку.

— Жареная курица в сегодняшней столовой ведь была невкусная, да?

— Серьезно? А мне очень даже понравилось.

— Мне показалось, панировочная сухари недостаточно хрустящие, будто не дожарили.

— Ешь давай, вечно ты придираешься.

— Толстяк, это ты совсем не разборчив в еде, надо же. Что дают, то и уплетаешь, не мудрено, что тебя виришь разносит день ото дня.

— Пэн Юй, ты нарваться хочешь?

Парни болтали обо всем подряд, начав с полуденной курицы.

— Но если честно, что делать, если мама и правда урежет мне карманные расходы?

— Сам виноват, меньше надо было в книги не заглядывать.

— Ого, судя по твоему тону, ты в этот раз хорошо написал экзамен?

— Хе-хе.

— Предатель!

Незаметно разговор свернул на тему предстоящих итоговых оценок.

Поболтав о том о сем, они перекинулись на Лу Юньцзэ.

— Вообще-то, если подумать, Лу Юньцзэ тоже жуткий неудачник, правда?

Первым тему завел Пэн Юй.

В классе он обычно слыл болтуном, оживляющим любую компанию, но говорил и действовал зачастую бездумно.

Этот раз не стал исключением.

— С чего это он неудачник?

Лян Хаожань и впрямь заинтересовался: на время забыв о давящей боли в груди, он вставил реплику.

В чем же Лу Юньцзэ неудачник?

Красивый, оценки — вечно вторые...

Говорят, они с Хэ Цы учились в одной и той же частной начальной школе, так что его семья наверняка не бедная и весьма влиятельная.

— И ты еще спрашиваешь? Пока есть Хэ Цы, ему, похоже, за все три года старшей школы головы не поднять, он навсегда останется в стороне от первого места. Переведись он в другую школу, точно был бы железным отличником, — с видом знатока принялся рассуждать Пэн Юй.

— Если послушать тебя, то вроде и правда так? К тому же Лу Юньцзэ обычно так пашет. А посмотри на бога Хэ: на уроках только и делает, что соревнуется с богом снов во сне, а в обед, едва поев, бежит играть в футбол на площадку, — поддакнул Пан Бо.

И правда... Стоит наступить обеду, как Хэ Цы исчезает, в то время как Лу Юньцзэ часто остается один в классе зубрить задачи, да и стоя в очереди за едой в столовой, не выпускает из рук словарь английских слов, одинокий и отрешенный.

— Так вкалывать — и все равно каждый раз оставаться в тени Хэ Цы, разве это не невезение? — покачивая головой, произнес Пэн Юй.

— Да уж... Послушаешь тебя, и мне его тоже становится жалко. Но как говорится, усердие ничто перед лицом таланта. Против такого ненормального мозга, как у бога Хэ, ничего не попишешь, — вздохнул Пан Бо.

Лу Юньцзэ... действительно ли он невезучий?

Лян Хаожань задумался всерьез.

Лу Юньцзэ определенно был из тех, кто упорствует до конца, зубрила до мозга костей, а вот Хэ Цы — абсолютный читер от природы, любимчик небес, которому сама судьба с лопачки в рот кладет.

Насколько сильно Хэ Цы любил спать на уроках, Лян Хаожань как его сосед по парте знал лучше кого бы то ни было в классе.

С другой стороны, Лу Юньцзэ хоть и не доходил до крайностей вроде подвешивания волос к балке или вонзания шила в бедро, но каждый раз, когда Лян Хаожань видел его, тот почти всегда упорно учился.

Спина на уроке всегда прямая, на перемене из класса выходит редко, либо решает задачи, либо зубрит правила.

Пусть из-за посещения дополнительных углубленных занятий или занятий с репетитором он трижды в неделю уходил сразу после уроков, но в оставшиеся два дня, как говорили, он честно сидел в классе до конца вечерней самоподготовки.

Если про Лу Юньцзэ нельзя сказать, что он старается, то вряд ли во всей школе найдется второй такой работяга.

Раньше Лян Хаожань особо не задумывался над этим вопросом, но если бы кто-нибудь сейчас спросил его, кто круче — Хэ Цы или Лу Юньцзэ... он бы, пожалуй, без колебаний выбрал Лу Юньцзэ.

Для такого человека, как Лян Хаожань, который с самого детства ни в одном деле не выкладывался на полную, Лу Юньцзэ, способный изо дня в день год за годом упорствовать в своем стремлении, производил куда более сильное впечатление, чем Хэ Цы, который двести шестьдесят пять дней в году спал.

Лян Хаожань не знал, в какой именно престижный университет хочет поступить Лу Юньцзэ и кем мечтает стать в будущем, раз так старается, но та застывшая за партой фигура с глазами, прикованными к доске, действительно вызывала глубокое уважение.

Он машинально брякнул:

— Я где-то вычитал фразу: способность упорствовать и трудиться сама по себе уже является талантом.

Наверное, это была очередная циничная псевдомудрость, выловленная им на просторах интернета.

Впервые наткнувшись на нее, Лян Хаожань почувствовал себя так, будто его огрели дубинкой

по голове.

Он даже впал в знатную хандру, решив, что у него самого в этом плане нет ни единого таланта.

В конце концов, он был классическим представителем молодежи без трех пунктов: без мечты, без цели, без силы воли, плывущим по течению с самого детства.

Впрочем, из трехсот шестидесяти пяти дней в году примерно триста он дул в ус не дул, так что хандрил в общей сложности от силы дней шестьдесят пять.

Хотя нет, если говорить честно, не набиралось и шестидесяти пяти, потолок — дней двадцать-тридцать.

Опасаясь, что из-за этих слов атмосфера станет слишком серьезной, Лян Хаожань тут же добавил шутку для разрядки обстановки:

— С другой стороны, разве у нас есть свободное время, чтобы сочувствовать другим? Каким бы неудачником он ни был, в будущем он поступит в университет в сто раз лучше нашего. И как это называется? Это называется нищему жалеть миллиардера.

К счастью, Пэн Юй и Пан Бо были одноклеточными существами с дефицитом ствола мозга, да и злого умысла изначально не имели, поэтому тут же купились на эту шутку.

— Черт, пробило броню, меня только что этой фразой наповал убило...

— И тебя тоже? И меня...

Наблюдая за комичной реакцией этой парочки, Лян Хаожань весело добавил шпильку:

— К тому же, судя по физиономии Лу Юньцзэ, даже если он прямо сейчас порвет все учебники и заляжет дома на диване, в будущем его жизнь все равно сложится блестяще. Мог бы просто податься в звезды или пойти на какое-нибудь шоу набрать популярность в роли айдола.

В воображении Лян Хаожаня всплыло лицо Лу Юньцзэ.

Тонкие, мягкие черты лица — назвать это просто смазливym было нельзя, скорее, в них присутствовала какая-то холодная, чистая красота.

По сравнению с просиживанием штанов в классе, такая внешность куда лучше подошла бы для тех мужских музыкальных шоу на выживание, которые целыми днями смотрит его младшая сестра Лян Сыци.

— Говоришь так, будто тебя это вовсе не касается, Хаоцзы, а у самого-то физиономия тоже вполне ничего, — скривил губы Пэн Юй.

— Тоже верно, в конце концов, моя привлекательность вполне способна дать отпор.

Лян Хаожань с изрядной долей нарциссизма сложил большой и указательный пальцы в форме восьмерки, подпер ими подбородок и ухмыльнулся ребятам.

— Тьфу, бесстыдник!

Пан Бо изобразил, что его передергивает, и скорчил брезгливую мину.

— Выходит, как ни крути, настоящие неудачники здесь только мы одни.

— И то верно. Черт, как же несправедлив этот мир...

Два этих типа снова принялись с притворным ужасом причитать о том, как они несчастны.

Короче говоря, оба были беспечными клоунами.

Из-за своего простодушия они быстро забывали тему разговора, и вскоре их мысли снова унеслись куда-то в сторону.

Пан Бо с пеной у рта пообещал Лян Хаожаню, что после окончания старшей школы обязательно займется похудением и тогда непременно ослепит его своей красотой, приказав ждать и готовиться;

Пэн Юй же безжалостно подкалывал его рядом, заявляя, что даже если восковая тыква похудеет, огромным арбузом ей все равно не стать.

Что же до Лян Хаожаня...

— Ну и отлично, я обязательно сохраню наш классный выпускной альбом. Когда ты потом заведешь девушку, я просто покажу ей это фото и скажу: вот он, настоящий заводской комплект Пан Бо, без всякого тюнинга.

Сдерживая ехидную улыбку, Лян Хаожань подначил его.

— Черт! Лян Хаожань, ну ты и демон!

Пан Бо в возмущении подпрыгнул со скамейки.

Глядя на рассерженного Пан Бо, Лян Хаожань не удержался и рассмеялся.

Этот толстяк умел позабавить, с ним и правда было весело.

<http://bllate.org/book/19354/1892256>